

УДК 821.161.1-31

Малиновский Артур

кандидат филологических наук, доцент
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
кафедра мировой литературы
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, Украина, 65058
malinovsky.artur@yandex.ua

**СОБЫТИЙНОСТЬ НАУЧНОГО БЫТИЯ ПРОФЕССОРА
АРНОЛЬДА АЛЕКСЕЕВИЧА СЛЮСАРЯ**

В статье рассматриваются грани научного бытия профессора А. А. Слюсаря. Литература, литературоведение и реальная жизнь интерпретируются в едином пространственном поле. Представлен своеобразный литературоведческий сюжет, который анализируется сквозь призму категории события и событийности.

Ключевые слова: событие, научное наследие, консеквентность, релевантность.

Событийность, событие – категория, которая широко используется современным философским и культурологическим знанием. В литературоведении также давно употребляется термин «событие» для обозначения динамического сюжета, т.е. передающего нечто значимое, выламывающееся из общепринятого, устоявшегося, закономерного, постоянно повторяющегося. Как правило, в литературе событие связывается с пересечением границы. Но сразу же отметим, что не всякое пересечение границы будет событием, «достойным запечатления в тексте, до тех пор, пока не даст результата, предельно иного, чем ожидаемый» [3, 191]. Сам термин событийность, как и другой термин – событие – любил очень употреблять Арнольд Алексеевич, говоря о природе эпоса, о сюжете литературного произведения, взаимоотношениях сюжета и фабулы, пересечении героем пространственной границы, обретении им нового статуса и т.д. Безусловно, событийность имеет отношение к онтологии художественного произведения, определяет стратегии сюжетности, движения в мире автора. Однако не только литературоведческий смысл заложен в понятии событийности, здесь присутствует изначально бытийный, сокровенный аспект личности, измерение ее духовных констант. Арнольд Алексеевич и не подозревал, что собственную жизнь незримо превращает в бытие, в поступок в высшем, философском значении слова. Его путь не укладывается целиком в рамки определенного канона, он относится к плеяде тех ученых, которые не просто защитили кандидатские, а затем докторские диссертации и заняли свою нишу в академической науке. Это ученый, сотворивший из университетской повседневности научное бытие, точнее, выстроивший «инобытие, свою собственную реальность, контрапозитивную всему, что ни есть» [3, 192]. Именно поэтому

Арнольд Алексеевич и вошел в большое литературоведение. Его знали и знают С. А. Фомичев, Н. Д. Тамарченко, М. Н. Виролайнен...

Не только герои Пушкина и Гоголя, но и он сам выламывался из структур обыденного повседневного существования и приобщался к интересам человечества и бытию нации. Он, так сказать, интериоризировался в мире духовности и в историческом процессе. Более того, он интериоризировал само событие своей жизни в «инобытие». И. Смирнов пишет: «Событие инобытийно во мне, общеиндивидуально и, значит, общечеловечно, а не социально. Оно пресуществует событиям, происходящим в межличностном пространстве-времени» [3, 195]. В этом приобщении, интериоризации таилась предпосылка духовного освобождения личности, и возможно оно было лишь на основе пробуждения личностного, национального и общественного самосознания. Этот процесс – ведущий в конструировании Арнольдом Алексеевичем концепции личности и ее исторических типов в русской литературе. Пробуждение самосознания для ученого потенциально содержало в себе возможность *культурного взрыва* (пользуясь терминологией Ю. М. Лотмана), *тектонического сдвига* (Л. Баткин), сквозь призму которых проглядывают поистине ренессансные тенденции в литературном процессе первой половины 19 века. Литература становится принципиально иной, и эту ее инаковость неустанно подчеркивал ученый. В ней обнаруживается первостепенно значимое: это событийность со всеми определяющими ее признаками. Во-первых, это релевантность, т.е. изменение некоего состояния в мире произведения. Причем, это изменение должно быть значимым. Одной из оппозиций, определяющих структуру личности, по А. А. Слюсарю, было статическое – динамическое. Персонажи русской литературы 1-й пол. XIX века распределяются между членами оппозиции в соответствии с уровнем своего самосознания и своей причастности или непричастности бытию. С одной стороны, представители наивно-простого сознания (как, например, Максим Максимыч, обитатели проникнутой семейственностью Белогорской крепости, персонажи гоголевских «Вечеров...» во главе с самим Рудым Панько), патриархально-уединенные старички Товстогубы и т. д., а с другой стороны, герои, причастные истории, бытию, так называемые динамичные герои (Гринев, герои романтических поэм и т.д.). При этом с точки зрения ученого оппозиция статического и динамического была очень важной, т. к. на ней (как и на ряде других оппозиций), базируется структура личности, аспект, в котором концепция человека переходила в психологизм.

Непредсказуемость также сопровождает стихию событийности. Ведь изменение должно быть неожиданным. С этой неожиданностью связано вторжение казуса, случая в устоявшийся привычный ход вещей и вследствие этого перемена исходного положения, изменение статуса. Это, пожалуй, наиболее философская часть размышлений Арнольда Алексеевича о фатуме, судьбе, фатализме, роке и случае. Когда ученый анализировал лермонтовского «Фаталиста», «Штосса», пушкинские «Повести Белкина», он неизменно обращал

ся к основным идеологемам немецкой классической философии и эстетики. («Критика способности суждения» Канта, «Философия религии», «Феноменология духа» и «Эстетика» Гегеля). Философия, как говорил ученый, была методологической базой литературоведения и без нее невозможно понять ведущие закономерности литературного процесса. Повышенная валентность событийности также ощутима в размышлениях о сложности и запутанности человеческого существования, в которое вторгается стихийное, природное, сверхъестественное, inferнальное. В этом плане показательными являются анализ «Бесов» и «Метели» Пушкина. Именно эти образы-концепты взрывали устоявшуюся картину мира и усиливали непредсказуемость событийности как таковой. Но если в «Бесах» стихийное явилось результатом мифологической фантастики, то в «Повестях Белкина» сама жизнь о себе начинает проговаривать различными голосами. Перед нами подлинная полифония голосов, каждый из которых представляет собой определенный тип мировосприятия, тяготеющего к патриархально-косному либо европейски ориентированному полюсам. Размышляя о циклизации, Арнольд Алексеевич обращался к высказыванию Н.Я. Берковского о том, что в мире «Повестей...» представлено «начало движения в неподвижном мире». Хотя событийность здесь не всегда эксплицитна. Например, в «Гробовщике» внешне ничего не происходит. Событие тут внутреннее, обнаруживающее себя во внешнем мире только незначительными изменениями. Финал же переворачивает все прежние устоявшиеся представления, обнаруживая у гробовщика новую философию жизни. В «Станционном смотрителе», наоборот, событие даже внешне трансформирует исходное положение. Можно сказать, что в этой повести событие обретает метатекстуальный характер, поскольку, вводя мотивику притчи о Блудном сыне в повествование, Пушкин тем самым сталкивает в полемике мораль авторитетного евангельского текста и бытие как таковое, непредсказуемое, стихийное, не укладывающееся в рамки канона. Это и есть проблема ассимиляции морали притчевой, канонической в новых условиях международных и междуязычных, как сказал бы Бахтин, связей и отношений.

Безусловно, спор, диалог канонического и неканонического, авторитарно-монологического и плюралистического примета не только мира пушкинской повести. Для Арнольда Алексеевича – это противоборство, противоречивое сосуществование имело в высшей степени личный житнетворческий смысл. И это необходимо учитывать в первую очередь на различных этапах осмысления научного наследия ученого. М.М. Бахтин в письме в редакцию «Нового мира» писал, что «Автор – пленник своей эпохи, своей современности. Последующие времена освобождают его из плена...» [239]. Безусловно, бахтинский взгляд на автора имел отношение к его собственной судьбе. В отличие от предшественника, создававшего труды с мощным философско-идеолого-культурологическим подтекстом, труды с потаенным смыслом, а потому преждевременно явившиеся и недоступные для восприятия и не вписавшиеся в медальонно-каноническое литературоведение тех лет. К. Г. Исупов писал: «очевидная маргинальность

Бахтина у многих отбила охоту искать реальный топос бахтинского внеприсутствия в своем времени»[2, 5], Арнольд Алексеевич был ученым своей эпохи. Более того, он был носителем идеологии этой эпохи. Тем не менее, ему удалось избежать однозначности и определенного монизма, в плену которого оказывались советские литературоведы. И парадоксальным образом он также оказывается в пространстве бахтинской многомерности, бахтинской философии автора. Главным образом потому, что в нем диалогически уживались и сталкивались авторитарная монологическая парадигма и способность к толерантности, научной широте. Скептически относясь к терминологии постмодернистского толка, к некоторым сравнительно недавним направлениям литературоведческих исследований (например, мифопоэтике), он невольно обращался к теориям и концепциям тех ученых, которые, с его точки зрения, были «новомодными». И речь идет не только об отдельных структуралистских и постструктуралистских штудиях Р. Барта (как в случае с примененной им к концепции литературного произведения и цикла как формам художественной целостности теории «смерти автора»), но и о приятии, а в дальнейшем продуктивном использовании эвристических подходов и научных методов. Именно так обстояло дело с Лотманом, отношение к которому изменялось от категорического неприятия к полному освоению его наследия и своеобразному канонизированию в виде достопамятных листочков-цитатников на спецкурсах по психологизму и жанрологии. Выстраивание сравнительно-типологических рядов в литературном процессе шло очень часто именно с оглядкой на Ю.М. Лотмана. При этом проблемы художественного моделирования, феномен бытового поведения в виде разных форм романического отношения к миру, гусарства, бретерства, игры в карты наполнялись литературной эмпирикой и явлениями литературного процесса изучаемого периода. При этом фурканты кафедры, несмотря на царившую во время лекций по специализации «тотальную» боязнь лектора, «страх и трепет» перед всезнающим, имели возможность всесторонне, не с «одного боку», так сказать, посмотреть на то или иное литературное явление. Поэтому прекраснотушие, например, представало как результат несовпадения идеала и действительности, наличного бытия и абсолюта, трансценденции, зияния между ними с точки зрения эстетических экскурсов Гегеля, так и формой литературного, вторичного по своей сути, семиотизированного отношения к действительности в интерпретации Лотмана. Картина развития эпических жанров в мировой литературе была такой же плюралистичной и неоднозначной. Эпос и роман представляли двумя формами целостности, типологически сопоставляемыми друг с другом на основе различия, с одной стороны, роли внешнего и внутреннего в них, а также различного удельного веса философии воли индивидуальности в них, а с другой стороны, дифференциации формально-структурных и моделирующих признаков по основанию жанровой дистанцированности, авторитарности-фамильяризации художественного слова, монологически непримиримого или диалогически приемлющего отношения к другим жанрам. Данные формы эпической целостности представляли

не только в магистральных концепциях Гегеля и Бахтина, но и в различных внутрижанровых типологиях. И это лишь немногие примеры научной гибкости, широты диапазона Арнольда Алексеевича.

Не только фурканты, но и коллектив кафедры оказывался причастным к обсуждению новых культурологических и литературоведческих концепций, причем не столько в формате общефакультетском, сколько локальном, кафедральном. Так, внешне далеко не событийным, но внутренне наполненным научной событийностью было обсуждение вышедшей в 1991 г. в «Русской литературе» статьи уже успевшей занять свое место в большом литературоведении М. Н. Виролайнен «Типология культурных эпох русской истории». Сразу отмечу тот факт, что в библиографии к монографии Арнольда Алексеевича не указана ни одна работа Виролайнен, хотя ее знаменитая статья «Мир и стиль в «Старосветских помещиках»» вышла еще в 1979 г. в «Вопросах литературы», не говоря уже о других работах в области пушкинистики и прочих. Эта ставшая событием работа была по сути бессобытийной для Арнольда Алексеевича, поскольку противоречила, очевидно, не только его концепции прозы Гоголя, но всей сложившейся гоголеведческой традиции, согласно которой художественный мир писателя был статичным, поскольку в его основе – преломленная структура расколотого, раздробленного, существующего в виде осколков и фрагментов и лишеного целостности мира. По мнению же Виролайнен, мир Гоголя предельно динамичен. «Ироническое отношение ко всякой фиксированности и вследствие того – незавершенность, незамкнутость явлений приводит к тому, что художественный мир находится в постоянном становлении, а все его внутренние элементы вступают в реакцию друг с другом». Динамика, движение передается в стиле. «Динамика повествования нарушает жизненный темп, свойственный тому миру, который взят как предмет изображения. Художественные средства форсируют жизненные процессы, обнаруженные в реальности» [1, 319]. Безусловно, ирония и незавершенность как приметы гоголевского мира не были обойдены вниманием и в работах Арнольда Алексеевича. Но там они характеризовали мир остановившийся, прозаически-ущербный, мертвенный.

В еще более принципиальном смысле расходились установки Арнольда Алексеевича с концепцией 4-х эпох в развитии русской словесности Виролайнен, начала которой были заложены в статье 1991 г. Слюсарь неоднозначно относился к идее парадигмально-риторического этапа в русской культуре и литературе и не считал, что эпоха слова, как пишет Виролайнен, или иначе говоря, художественность начинается в XIX веке. Несмотря на принципиальные разночтения в подходах к литературному процессу, Арнольд Алексеевич видит в самом появлении статьи Виролайнен событие и проводит обсуждение на кафедре. А спустя несколько лет кафедра издаст учебное пособие «Концепция человека в русской литературе» с вступительной статьей заведующего об исторических типах концепции человека.

Если герменевтические смыслы бахтинских текстов развертываются в последующие эпохи и освоение его научного наследия связано прежде всего с проблемой рецепции, декодирования скрытых по разным соображениям смыслов, то научный кругозор Арнольда Алексеевича не таил в себе потаенного, скрытого. В отличие от Юдиной, Пумпянского, самого Бахтина, бывших людьми неофициальными, составлявшими подводную жизнь культурной эпохи, Арнольд Алексеевич был на авансцене академического литературоведения, которое он отождествлял с самим жизненным процессом. И если представители неакадемической науки были внутренне отрешены от происходивших больших событий, совершавшихся словно бы сами собой, без них и помимо них, то Арнольд Алексеевич всегда подчеркивал свою причастность к истории. Бахтин написал свои книги, долго ждавшие своего часа, и когда их время пришло, его идеи перевернули гуманитаристику и разветвились на целые научные направления. Идеи же Арнольда Алексеевича целиком были органичны, а главное, своевременны для кафедры и студентов, и воплощались в лекциях и спецкурсах. Эти различия учитывать необходимо, т.к. именно они задают механизмы и пути освоения научного наследия ученого.

Сосуществование, творческий диалог в научном мире Арнольда Алексеевича традиционно-авторитарного и нового, некоторых стереотипов и шаблонов литературоведческого анализа с элементами современных стратегий имело, так сказать, свою событийную консекутивность. Это свойство нарративного мира, определяемое Шмидом как «изменение, которое должно повлечь за собой последствия в мышлении и в действиях тех субъектов в нарративном мире, которых данное изменение касается» [2, 14]. Научный коллектив кафедры и сегодня опирается на разработанную ученым периодизацию литературного процесса в соответствии с различными качественными состояниями художественности как имманентного показателя зрелости. Что же касается типов литературы, то они предстают константами периодизации и являются фундаментом методологии и методики изучения литературного процесса. В настоящее время коллектив кафедры, учитывая современные концепции развития русской литературы, историко-культурологическое прочтение литературного процесса, возможность теоретической истории русской литературы, расширяет свои представления о типах литературы и типах литературно-художественного сознания. Базисом сегодняшних представлений, безусловно, оказывается конрадовская концепция членения истории всемирной литературы, ассимилированная, однако, к восточнославянской литературной общности, представленной двумя типами: средневековой и новой литературами. Поэтому XVIII век, 1-я пол. XIX в., 2-я пол. XIX в. и т.д. – это именно подтипы, а не типы литературы. И внутри них происходят также значительные изменения. Именно такой зрения придерживался Арнольд Алексеевич, когда предпринимал опыт периодизации литературы и сравнительно новаторский опыт рассмотрения концепции человека в ее диахронии. Уже здесь содержались начала

теоретической истории русской литературы, вскоре воплощенной в вышедшем в 1997 г. во всем нам известном фундаментальном опыте подобной истории «Литературный процесс в историко-культурном контексте: Развитие и смена типов художественно-литературного сознания в русской словесности XI–XX веков».

Консекутивность события научного бытия как одно из условий его подлинности и рецепции на современном этапе, как видим, в полной мере выполнено и имеет дальнейшие перспективы по осмыслению наследия ученого-литературоведа. Первым опытом его системного осмысления был изданный кафедрой в 2009 г. объемный труд «Мемогія», в котором собраны работы ученого, его воспоминания, научные статьи преподавателей кафедры и факультета, рефлексии мемуарно-биографического толка. Условие консекутивности продолжает выполняться.

Парадоксально не выполняются два последних (согласно классификации Шмида), условия событийности – это необратимость и неповторяемость. В результате необратимости субъект, достигая духовного и нравственного прозрения, должен достичь такой позиции, которая исключает возвращение к более ранним точкам зрения, а в результате неповторяемости «изменение должно быть однократным». Разумеется, ни одному из этих условий не соответствовал ритм научного поиска Арнольда Алексеевича, всегда «гибкого» и диалектичного в оценке литературных явлений. И даже, нарушая условия необратимости и неповторяемости, ученый смог сделать свою научную жизнь поистине интеллигентной, «предоставляя познавательным усилиям возможность быть возведенными в ранг событий» [3, 195].

Список использованной литературы

1. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности / Виролайнен М. Н. – СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
2. Исупов К. Г. Тезисы к проблеме: «М. Бахтин и советская культура» // Бахтинский сборник-III / К. Г. Исупов. – М.: Лабиринт, 1997. – С. 4-20.
3. Смирнов И. Событие в философии и в литературе // Событие и событийность / И. Смирнов. – М.: Изд-во Кулагиной, 2010. – С. 191-202
4. Шмид В. Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность / В. Шмид. – М.: Изд-во Кулагиной, 2010. – С. 13-23.

Статтю подано до редколегії 15.11.2014

Малиновський Артур

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова
кафедра світової літератури
malinovsky.artur@yandex.ua

**НАУКОВЕ БУТТЯ ПРОФЕСОРА АРНОЛЬДА ОЛЕКСІЙОВИЧА
СЛЮСАРЯ ЯК ПОДІЯ**

У статті розглядається науковий шлях професора А. О. Слюсаря. Література, літературознавство та реальне життя інтерпретуються як єдиний простір. Запропонований варіант літературознавчого сюжету, що аналізується крізь призму категорії події.

Ключові слова: подія, наукова спадщина, консекутивність, релевантність.

Artur Malinovsky

Odessa I.I. Mechnikov National University
Department of World literary
malinovsky.artur@yandex.ua

**SCIENTIFIC LIFE OF PROFESSOR ARNOLD ALEKSEEVICH
SLYUSAR AS EVENT**

The article is devoted to a scientific way of Slyusar. In interrelation literature, literary criticism and real life of the scientist are considered. Communication of life of the scientist with categories of an event is tracked

Key words: event, scientific inheritance, consecutive, relevance